

Блокада Ленинграда. Дневники 1941–1944 годов / Сост. В. Давид. М.: Яуза, 2023. – 608 с.

Эта книга основана на хранящихся в архивах дневниках ленинградцев, запечатлевших в своих записях опыт выживания в осажденном городе. Они выдержали все: голод, стужу, варварские артобстрелы и бомбежки. Познали много горя (но иногда на их долю выпадали и радости). И они выстояли. Авторы дневников – директор завода, инженеры, рабочие, школьницы, студентка, домохозяйка, главврач поликлиники, служащий горкома, работник железной дороги, сотрудник радиоузла, преподаватель музыкальной школы, контролер по учету и выдаче продовольственных карточек. Дневниковые записи 1941–1944 годов дополнены документами и газетными публикациями того «смертного времени», и это позволяет проследить взаимосвязь личных проблем ленинградцев и той огромной организационной работы, которая предпринималась властями разных уровней для спасения города и его жителей. Материал расположен в хронологическом порядке. Есть издержки: извлеченные из дневников фрагменты рассредоточены по книге по главам; авторы обозначены только инициалами, их статус отмечен в сносках только при первом появлении дневниковой записи. В книге пять глав: «Время расставаний», «Начало осады», «Голодная зима 1941–1942 года», «Весна надежды», «На пути к победе». Время расставаний для ленинградцев началось в первый же день войны. «В первый день войны изо всех домов потянулись к мобилизационным пунктам призывники. <...> Ближайший призывной пункт находился на Конюшенной площади в помещении клуба Автопарка. Вся площадь заполнена народом, трамвайное движение остановилось. <...> Через решетчатые ворота было видно, как на внутренний двор автопарка выходили призывники, строились в колонну и уходили в назначенном направлении» (Б-ва – домохозяйка, в годы войны – сторож в домоуправлении). А. Б-н, в 1941–1942 годах контролер районного бюро по учету и выдаче продовольственных, хлебных и промтоварных карточек, записал: «...работаем дни и ночи почти без сна. Порой голова кружится от усталости. В помещении первой образовательной школы района работает районный эвакупункт. Я оформляю документы эвакуируемых и выдаю талоны на хлеб и продукты. Шумно. У моего стола огромная очередь. Матери с детишками все идут и идут. <...> По всему Ленинграду мчатся автобусы к вокзалам, их много, так много, что на улицах задерживается движение остального транспорта и пешеходов. В автобусах матери с детишками. Эвакуируют детей без матерей. На вокзалах у вагонов слезы, вопли, истерики. <...> Мама, мамочка! Этот вопль все время стоит в ушах. Думаешь – а все ли доедут до места назначения? Ведь железнодорожные узлы бомбят. Все ли матери дождутся своих детей?» (20.07.41). Началом блокады считается 8 сентября 1941 года, когда была прервана сухопутная связь Ленинграда со всей страной, хотя продовольственные карточки ввели в Ленинграде уже 17 июля, то есть еще до блокады, чтобы навести порядок в снабжении. Нормы отпуска продуктов по карточкам были высокие, и продовольствия хватало. Снижение норм выдачи продуктов впервые произошло 2 сентября 1941 года. В октябре жители города почувствовали на себе явную нехватку продовольствия, а в ноябре в Ленинграде начался настоящий голод. 26 января 1942 года директор завода А. К-ой, записал: «...был в городе. Все превратилось в сплошную сосульку. Трамваи стоят вмерзшие. По магистралям, ведущим к кладбищам, движутся небольшие группы людей или одиночки, которые везут на санках или тянут волоком, обвязав за шею, трупы. Эвакуацией трупов занимаются женщины и 12–15-летние ребятишки». Единственным путем сообщения Большой зем-

ли с Ленинградом стал маршрут через Ладожское озеро. Пропускная способность этой транспортной артерии не соответствовала потребностям города. Начавшийся в Ленинграде массовый голод, усугубленный особенно суровой первой блокадной зимой, проблемами с отоплением и транспортом, привел к сотням тысяч смертей среди его жителей. Ленинградцы обращались с просьбой о помощи в советские и партийные органы и лично к первому секретарю Ленинградского обкома ВКП(б) А. Жданову, к секретарю Ленинградского горкома ВКП(б) А. Кузнецову, к председателю Ленгорисполкома П. Попкову. В книге представлены письма-запросы руководителей крупных предприятий, Монетного двора, академических учреждений, литературных работников газеты «Смена» и частных лиц: ученых, художников, ветеранов... А также документы, в том числе секретные: докладные записки Сталину, страшные справки со статистикой умерших в вышестоящие организации, постановления Военного совета Ленинградского фронта о нормах хлеба для войск фронта и населения Ленинграда, сводки Штаба МПВО Ленинграда о результатах воздушных нападений и артиллерийских обстрелов, выписки из приговоров Ленинградского военного трибунала о смертной казни за людоедство, докладные записки о проблемах водопроводно-канализационного хозяйства и пожарной инспекции, санитарии в школах и работе предприятий общественного питания, о состоянии кладбищ. Повседневная жизнь осажденного города в официальных документах и сугубо личных записках его жителей. Для ленинградцев страшная реальность, собственные лишения усугублялись страхом за близких людей и ужасающими слухами. Были и проблески надежды: увеличение нормы выдачи хлеба в феврале 1942 года, своими собственными силами очищенный ото льда, нечистот и грязи любимый город и, наконец, столь желанное – прорыв блокады в январе 1943 года. «И вот свершилось. 18.01. прозвучали слова такие долгожданные, такие счастливые. Войска Ленинградского и Волховского фронтов воссоединились, прорвав кольцо блокады. Освобождены Шлиссельбург, Дубровка, Липки, Синявино, ст. Поддубная. Взяты и пленные. Новость прозвучала по радио около полуночи. У меня в кабинете собрались соседи по казарменному житью-бытью. Охватившую нас радость невозможно описать словами. Я прочел товарищам записи в дневнике в январе 1942 года. Тогда мы все были на грани смерти, многие погибли, но мы выжили и дождались нашей первой победы. Мы вспомнили мучительный голод и холод, попытки хоть как-то поддержать угасающие силы, наши „кулинарные опыты“ по приготовлению студня из столярного клея, лепешек из гнилой картошки и прочее. Мы не забыли надежды и разочарования в ожидании прибавки хлеба, уныния от отсутствия новостей на Ленинградском фронте. Всю ночь не умолкало радио» (20.01.43. М. К., начальник планового отдела завода). Однако осада Ленинграда вражескими войсками и флотом продолжалась. 27 января 1944 года город был полностью освобожден, в этот же день состоялся салют в честь окончательного снятия блокады. «Ленинград ликует... можно свободно ходить по городу и не думать, что тебя могут убить... Тихо. Падает легкий снег». Книга памяти.

Владислав Глинка. Воспоминания о блокаде. М.: АСТ, 2023. — 320 с.

Владислав Михайлович Глинка (1903—1983) — писатель, историк, музейный работник, пережил блокаду Ленинграда, работая в это тяжелое время хранителем в Эрмитаже, санитаром в госпитале и одновременно отвечая за сохранение коллекций ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом). Война застала его старшим научным сотрудником Отдела истории русской культуры Эрмитажа, переведенного в Эрмитаж только в марте 1941 года. Первый год блокады, о котором он пишет в своих воспоминаниях, по его признанию, признанию человека, знавшего и революцию, и Гражданскую войну, стал самым страшным в его жизни. Обладая великолепным литературным даром, он запечатлел страшные картины блокадного бытия: труп мужчины с отпиленными но-

гами на льду Невы; останки животных в подтаявших сугробах; погрузка голых трупов у дома 46—48 по Чайковского. «Я заглянул в распахнутые двери, к которым приткнулся грузовик. В глубине вестибюля, занимая всю глубину пространства, ярусами лежали трупы. Несколько плотных мужиков, в таких же куртках, как и те, что были снаружи, покрикивая, разбирали этот штабель, другие стоймя переставляли трупы по конвейеру ко входу. Мелькали серые скорченные ноги, серые скрюченные пальцы, серые волосы. В кузове росла гора». Позднее друг ему скажет: «Мера необходимая. Вот-вот станет тепло, и надо оберечь город от возможных эпидемий. А везут на Пискаревку. Там создается новое кладбище. И этих грузчиков, которые грузят трупы, прислали с большой земли. Их кормят на убой и притом, говорят, в день дают по пол-литра водки...» В. Глинка рассказывает только то, чему сам был свидетелем или, в немногих случаях, что слышал от людей, которым доверял. А еще то, о чем писать было не принято: о грабеже управхозами имущества умерших и их продовольственных карточек, о черном рынке, где за продовольствие отдавали все, о людоедстве. В этом повествовании ясно просматриваются два слоя людей, оказавшихся в блокаде. Один из них — гибнущий. Другой, напротив, необыкновенно живучий. В условиях бедствия 1941—1942 годов беззащитными оказались носители культуры, накопленной несколькими поколениями. Беспомощные в быту, лишенные инстинкта добытчиков интеллигенты гибли первыми, гибли семьями. В. Глинка видел, как уходили из жизни близкие ему по духу люди, как рвалась эстафетная линия передачи от поколения к поколению системы культурных ценностей, духовных и материальных. Этот трагический мотив звучит в ряде эпизодов «Блокады». Переехавшие с началом войны в убежище под двадцатиколонным залом Зимнего дворца семьи сотрудников Эрмитажа поддерживали добрые отношения, вели вечерние беседы, оказывали друг другу услуги, записывались в пожарные команды и команды ухода за ранеными. И даже провели торжественное заседание в юбилей Навои и Низами. А потом стали тихо умирать и в убежище Эрмитажа, и у себя дома. Вымерла в блокаду вся семья композитора Юдина. После смерти художника-графика А. Труханова и его семьи была разгромлена квартира Трухановых: исчезли книжные стеллажи, разорваны книги, акварели, рисунки, изуродован огромный красного дерева стол XVIII века, не пролезший в дверной проем. Удалось спасти коллекцию холстов, гуашей и рисунков, принадлежавшую Ф. Нотгафту, заведующему издательским отделом Эрмитажа. Он был единственным не художником, принятым в общество «Мир искусства», так как вел его издательскую деятельность. Его коллекция в значительной мере состояла из даров друзей-художников. По приказу Орбели тела Нотгафтов отвезли в морг, находившийся в «церкви на крови» Александра II, а картины, рисунки и книги перенесли в Эрмитаж. Благополучно выживали в блокаду люди другого склада, общаться с которыми доводилось автору. Управхоз, полуграмотная баба, несколько не похудевшая за блокаду, обчищавшая квартиры умерших жильцов; начальник гужевого обоза, отвечавший за развоз хлеба по торговым точкам, у которого за ценные вещи можно было выменять хлеб и конину; упитанный столовский повар, которого толпа голых дистрофиков выгнала из бани на Чайковского. Не раз санитар Глинка наблюдал, как, доставив полуживого товарища в стационар, сопровождающий перед уходом чистил карманы своей ноши. И в то же время автор пишет: «Да, кругом кипел обман, воровство, спекуляция и цинизм, но существует тут же рядом и бескорыстная помощь, и способность раскрыть свое сердце для неизвестных тебе, но крайне истощенных людей». Встреча с такими бескорыстными людьми спасла жизнь девятилетней дочери В. Глинки. Самостоятельную ценность имеет предыстория блокадной эпопеи о судьбе Историко-бытового отдела (сокращенно ИБО), в котором много лет служил В. Глинка. Это и картины того, как музейные чиновники в 1930-е годы гоняли с места на место ценнейшие коллекции (ИБО был образован в Русском музее вскоре после 1917 года и за шесть лет четыре раза пе-

реезжал, причем поломано и разбито было немало предметов). Это и рассказы о том, как исчезали в лагерях и тюрьмах виднейшие историки, искусствоведы и отцы города. В. Глинка считает, что в судьбе ИБО отразилась система безответственного отношения государства к культуре, что в блокаду сказались и на судьбах его друзей и товарищей. Рукопись воспоминаний В. Глинки, датированная 1979 годом, обнаружили его наследники при разборе архива после смерти автора. Готовил ее к печати племянник В. Глинки — Михаил Глинка, морской офицер, историк, писатель. По тексту размещены биографические справки о близких друзьях семьи В. Глинки, среди которых главный архитектор Эрмитажа А. Сивков, ученый-востоковед А. Болдырев, врач-онколог А. Раков, Н. Рынин. А так как многие действующие лица «Блокады» (а это реальные люди) лишь упомянуты, но никак не разъяснено, кто они, откуда взялись, то в заключение даны и комментарии М. Глинки, где он рассказывает о судьбах и характерах людей, испытавших непростые жизненные драмы, а иногда и трагедии. Среди них и композитор Д. Толстой, и первый директор Музея обороны Ленинграда Л. Раков, литературовед В. Мануйлов, Н. Крандиевская-Толстая и ее дети. И конечно, и мать М. Глинки — Е. Глинка, скончавшаяся в эвакуации в 1944 году, и приемная мать М. Глинки, оставшегося круглым сиротой, так как его отец, родной брат В. Глинки, погиб на фронте, Марианна Глинка. «Когда я вспоминаю Марианну Евгеньевну, — мне не с кем ее сравнить, разве что, если иметь в виду силу духа, сказать, что в ней было что-то от первых христиан. Марианна Евгеньевна — это идеальный образ человека, не думающего о своем благе, при этом не только о материальном, а о благе для себя вообще».

Татьяна Берцева. Лучший парк Лесного. Художественно-публицистическое издание. О парке Санкт-Петербургского лесотехнического университета. СПб.: Северо-Запад, 2023. — 278 с.: ил.

Первый лесной вуз России (Практическое лесное училище) был основан по указу императора Александра I в 1803 году, и располагался он в Царском Селе. В ряде официальных документов это учебное заведение именовалось Царскосельским лесным институтом. В январе 1811 года его перевели в Санкт-Петербург на Выборгскую сторону. Теперь это Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С. М. Кирова, известный и как Лесотехническая академия. На протяжении более двух веков Лесной институт перестраивался, расширялся, переименовывался, одновременно формировался и благоустраивался институтский парк, ныне считающийся одним из красивейших в Санкт-Петербурге. Татьяна Берцева, доцент кафедры декоративного растениеводства СПбГЛТУ, собрала обширную историческую информацию и дополнила ее слухами и домыслами, бытующими среди местных жителей, сотрудников университета и студентов. Свое историческое изыскание она начинает с рассказа о Спасской мызе: под таким названием впервые появилось первое официальное упоминание о поселении на этих местах — объявление о продаже усадьбы, принадлежащей статскому советнику Закревскому, племяннику А. Разумовского, фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Впоследствии среди землевладельцев оказался и И. Кушелев, чье имя осталось в современной топонимике Петербурга (Кушелевка, Кушелевская дорога). Среди владельцев был и английский капитан Давидсон, попытавшийся создать опытное земледельческое хозяйство, но малозаселенные и большей частью заболоченные земли оказались не пригодны для сельского хозяйства, и к 1811 году Давидсон разорился. В книге во множестве представлены топографические карты XVIII — XX веков. Т. Берцева повествует обо всех достопримечательностях парка. А это и несколько хорошо сохранившихся каменных и деревянных строений, и бывшая кадетская баня, и напоминающая средневековый донжон водонапорная башня, которая никогда не использовалась по прямому назначению и где А. С. Попов проводил

свои опыты с радио. И конечно, обелиск на месте дуэли внука графа Орлова, флигель-адъютанта Александра I В. Новосильцева и поручика Семеновского полка К. Чернова, состоявшейся 25 сентября 1825 года. Т. Берцева в подробностях, с привлечением архивных документов излагает историю о том, как высокопоставленный аристократ захотел жениться на капитанской дочке, но на дороге влюбленных встала его мать, а брат скомпрометированной бесприданницы заступился за нее, вызвав Новосильцева на дуэль. Оба получили смертельные ранения. На территории парка есть воинские захоронения: памятник героям Октябрьской революции — братская могила, в которой похоронены рабочие-красногвардейцы, павшие в боях с Красным за Петроград в октябре 1917 года, и моряки Балтийского флота, погибшие в боях с войсками стран Антанты (погребены 30 августа 1918 года). А также пять отдельных захоронений деятелей революции (П. Виноградов, И. Орлов, Н. Кокко, И. Ковалев, К. Баранов) и тех, кто много лет работал в Лесном университете: садовода Э. Вольфа, доктора сельскохозяйственных наук М. Ткаченко, русского лесоведа, «отца» русской фенологии Д. Кайгородова. О замечательных ученых, трудившихся на благо русского леса, напоминают мемориальные памятные доски на стенах учебных и жилых корпусов: основателю отечественной школы ландшафтной архитектуры Т. Дубяго, основоположнику русского лесоустройства М. Орлову, химику М. Кучерову, лесоводу Г. Морозову. Единственный отмеченный памятным знаком, чья деятельность не имела никакого отношения к лесу, — генерал Парижской коммуны В. Врублевский, поступивший в Петербургский лесной институт в 1853 году. О чем бы ни рассказывала Т. Берцева, ее всегда интересуют люди, их биографии, их удивительные судьбы, труды. За два с лишним века Лесной академии галерея портретов тех, кто был тесно с ней связан, получилась внушительной: первые владельцы будущих угодий учебного учреждения; архитекторы А. Неллингер, И. Лукини, Р. Першке, Э. Жильбер, И. Дитрих, И. Гальбек (ныне эти имена не слишком-то на слуху). С 1827-го по 1844 год работы в Лесном институте курировал генерал Е. Канкрин, состоявший при Особе Его Величества, министр финансов России. Это он разработал систему каналов и прудов для осушения болота, располагавшегося в центре нагорных владений института (парк раскинулся на двух террасах, перепад высот между которыми составляет девять метров). Т. Берцева рассказывает, как была устроена мелиоративная система Канкринина, описывает «глаза парка» — девять живописных прудов, размещенных на территории парка. Почти сорок лет, с 1893-го по 1931 год, главным садовником Лесного был Э. Вольф, ботаник, дендролог, систематик. Это он собрал дендрологическую коллекцию, которая легла в основу дендрологического сада и салицетума. Несть числа интереснейшим, подчас драматичным биографиям выдающихся людей русской науки, о которых рассказывает автор. Имена некоторых носит и ряд аллей парка: аллея А. Холодковского, М. Орлова, В. Сукачева, Л. Иванова, А. Ткаченко... В богатейшей истории парка есть страницы, которые открылись совсем недавно, так до конца 1990-х годов было засекречено точное место расположения командного пункта «Нева», по сути, резервного штаба Ленинградского фронта, секретного подземного города, сооруженного в парке в 1943 году всего за семь месяцев. Лесной университет — это не просто старейший вуз нашего города, но и хранитель памятников культурного наследия, появившихся на его территории в течение XIX — начале XX века. Ныне парк Лесного, особо охраняемая территория с крупнейшей коллекцией древесно-кустарниковых растений из различных регионов мира, по праву является объектом культурного наследия федерального значения, как и очень многое в этом парке. У Берцевой памятные места парка заговорили...

Публикация подготовлена **Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ**

Редакция благодарит за предоставленные книги Книжную Лавку Писателей (Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06, www.lavkapisateley.spb.ru)